

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-20-28

ПОГРАНИЧНЫЙ ХРОНОТОП В «ВЕЧЕРАХ НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ» Н. В. ГОГОЛЯ И «РАССКАЗАХ ЛЯО ЧЖАЯ О НЕОБЫЧАЙНОМ» ПУ СУНЛИНА

Сунь Вэньцзюнь*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова**119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация**Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне**518172, провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, район Лунган, Даюньсиньчэн, ул. Гоцзидасюэюань, д. 1, Китайская Народная Республика*

Аннотация

Цель. Выявить смысловую общность пограничного хронотопа в сборнике Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» и сборнике новелл Пу Сунлина «Рассказы Ляо Чжая о необычайном».

Процедура и методы. В работе проводится последовательный анализ пограничных хронотопов в прозе Гоголя и Пу Сунлина на предмет обнаружения общих мотивов и их последующего сопоставительного изучения и интерпретации. Основными методами исследования стали анализ и последующий синтез и сравнительный метод в литературоведении.

Результаты. Анализируя разнообразные пограничные хронотопы, характерные для фантастических произведений Гоголя и Пу Сунлина (время: вечер, ночь, праздник; локус: дом, кабинет, окно, дорога, пространство сна и др.), можно прийти к выводу, что у указанных авторов промежуточная точка пространственно-временного существования может быть истолкована как особая сфера, где герой вступает в контакт с иноприродными персонажами в напряжённый момент своей жизни и остаётся живым и целым или погибает в зависимости от принятых им нравственных решений.

Теоретическая и/или практическая значимость работы заключается в том, что её результаты позволяют прояснить своеобразие присутствия фантастических образов потустороннего мира в творчестве Гоголя и Пу Сунлина; результаты исследования могут быть использованы как при изучении творчества Гоголя в китайской аудитории, так и для разработки образовательного курса по сравнительному изучению русской и китайской литературы.

Ключевые слова: пограничный хронотоп, сравнительное литературоведение, фантастика, Н. В. Гоголь, Пу Сунлин

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке стипендии Правительства Шэньчжэня и Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне.

THE BORDERLINE CHRONOTOPE IN NIKOLAI GOGOL'S "EVENINGS ON A FARM NEAR DIKANKA" AND PU SONGLING'S "STRANGE TALES FROM A CHINESE STUDIO"

Sun Wenjun*Lomonosov Moscow State University**Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation**Shenzhen MSU-BIT University**Guojidaxueyuan 1, Shenzhen, 518172, People's Republic of China*

Abstract

Aim. The aim of the work is to identify the semantic commonality of the borderline chronotope in the early prose of Gogol and the collection of short stories by Pu Songling.

Methodology. The work undertakes a consistent and comprehensive analysis of border chronotopes in the prose of Gogol and Pu Songling to identify common motifs and their subsequent comparative study and interpretation. The main research methods were analysis and subsequent synthesis and the comparative method in literary criticism.

Results. Analyzing various borderline chronotopes characteristic of Gogol's and Pu Songling's fantasy works (time: evening, night, holiday; locus: house, study, window, road, dream, etc.), we can come to the conclusion that the intermediate point of spatial-temporal existence can be interpreted as a special sphere where the hero comes into contact with alien characters at a tense moment in his life and remains alive and whole or perishes – depending on the moral decisions he has made.

Research Implications. The significance of the work lies in the fact that its results make it possible to clarify the originality of the presence of fantastic images of the other world in the works of Gogol and Pu Songling; the results of the study can be used both when studying Gogol's work in a Chinese audience, and for developing an educational course on comparative study of Russian and Chinese literature.

Keywords: borderline chronotope, comparative literature, fantasy, N. Gogol, Pu Songling

Acknowledgments: The study was supported by Shenzhen Municipal Government and Shenzhen MSU-BIT University.

Введение

Анализ творчества выдающегося русского писателя Н. В. Гоголя (1809–1852) и знаменитого китайского прозаика Пу Сунлина (1640–1715) имеет давнюю историю в соответствующих литературных средах. Произведения Гоголя стали предметом серьёзного научного описания в конце XIX в. – например, в работах В. И. Шенрока и Н. С. Тихонравова. Рассмотрение Гоголя как явления мировой литературы, первые полноценные компаративные исследования гоголевских повестей относятся к началу XX в. В последние десятилетия такая работа ведётся особенно активно [7]. Новеллистика Пу Сунлина изучалась в Китае ещё при династии Цин (XVII–XX вв.) в трудах известных учёных Фэн Чжэньлуаня (кит. 冯镇峦), Дань Минлуня (кит. 但名伦) и Цзи Сяоланя (кит. 纪晓岚). Сравнительный анализ поэтики Гоголя и Пу Сунлина предоставляет возможность более глубоко изучить их своеобразие и уникальность особенно в свете возрастающего взаимного интереса культур России и Китая в последние десятилетия, что делает типологическое изучение фантастической

прозы указанных писателей чрезвычайно актуальным.

Современное типологическое исследование литературы предполагает значительную активность сознания исследователя, способного благодаря логике и эрудиции проводить рациональные и методологически обоснованные сопоставления текстов, принадлежащих различным культурам [14, р. 303–305]. Сравнение как таковое уходит своими корнями в классическую греческую философию (см. суждение Аристотеля в «Метафизике» [1, с. 360–367]), считающую его неотъемлемой и необходимой характеристикой человеческого мышления [15, р. 35–43]. В своей монографии Е. М. Болдырева выделяет три основных вида параллелей между российской и китайской литературой: установление генетических связей и поиски творческих соответствий между русскими и китайскими авторами; обнаружение схожих мотивов в контексте типологических связей и изучение роли вечных и «странствующих» сюжетов и образов в русской и китайской литературе [3, с. 11–14]. Последние два подхода могут быть использованы для сопоставительного изучения

произведений указанных нами авторов. Так, при анализе «прозаического цикла» (по определению А. С. Янушкевича [13, с. 100]) «Вечера на хуторе близ Диканьки» и сборника «Рассказы Ляо Чжая о необычайном» можно обнаружить значительное число типологических параллелей. Например, в произведениях анализируемых писателей обнаруживается схожая типология литературных героев (молодые мужчины, вступающие в контакт со сверхъестественными силами; красивые девушки, воплощающие в себе обольстительность иноприродных сил; животные, являющиеся символом присутствия «тёмного» мира и т. п.) и множество схожих сюжетов (например, в рассказах Гоголя и Пу Сунлина часто описывается происходящий ночью переход в параллельную реальность, гибельное соблазнение героя «тёмными» силами и преступление, совершённое из-за отхода от религиозного закона). Более того, оба писателя были мастерами, которые обладали особым мистическим видением реальности. Наконец, их творчество затрагивает религиозное (в частности, религиозно-этические) измерение. По словам И. А. Виноградова, гоголевская «сказка» является нравственным уроком о самой истине [4, с. 220]. Фэн Чжэньлуань считал, что Пу Сунлин известен своими новеллами, которые содержат глубокие философские и религиозно-моральные мысли [16, с. 315]. Все вышеперечисленные составляющие позволяют провести сравнительный анализ двух авторов в контексте трактовки мифологических, фантастических мотивов, мотивов, связанных с народной демонологией в их творчестве.

Термин «хротопоп», по определению М. М. Бахтина, обозначает «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [2, с. 220]. Ю. М. Лотман в своей работе о семиосфере выделяет дихотомию культурных разделений, где всякие культуры начинаются с разделения мира на «внутреннее» (своё) и «внешнее» (чужое) пространство. Интересно отме-

тить, что несвязанные цивилизации могут иметь совпадающие выражения для описания мира по ту сторону границы [10, с. 191]. Последнее и даёт нам новый ориентир для типологического изучения творчества Гоголя и Пу Сунлина.

Пограничное бытовое время

Важным пространственно-временным аспектом в ранней прозе Гоголя и новеллах Пу Сунлина является пограничное время – период, когда герой имеет возможность взаимодействовать с загробным миром или проникать в него.

Вечер / ночь. Ноктюрнальная поэтика Гоголя и Пу Сунлина имеет немало общих черт – вечер является не только промежуточной сферой между «своим» и «чужим» миром, но и временем расцвета сверхъестественных сил [9, с. 47]. Для Гоголя в этом заключается народно-поэтическое мышление украинского народа, который выступает на страницах «Вечеров на хуторе близ Диканьки» [6, с. 69].

Ночь в древней китайской беллетристике, в частности *вэньяньсяоши* (кит. 文言小说) (новеллы с динамичным фантастическим сюжетом на старом литературном языке *вэньянь*), является уникальным символом. По мнению современного литературоведа Хуан Линь, «во многих фантастических рассказах династий Мин и Цин действие происходит ночью, и это время окутывает читателя таинственностью и страхом» [18, с. 148]. Соответствующие выражения можно обнаружить в ноктюрнальной поэтике «Ляо Чжая», который включает в себя *ночь, полночь, закат, рассвет, восход солнца на востоке* и т. д; и как дополнение к семантическому комплексу границы здесь также присутствуют образы *свечи, огня и света* и т. п. Исходя из даосских и буддийских учений о сверхъестественных силах, солнце обладает атрибутом *ян* (кит. 阳), в то время как луна является воплощением *инь* (кит. 阴). Инфернальные существа, по народным поверьям, состоят из злой энергии мира, которая накапливается энергией *инь*. Они

не могут сопротивляться земной энергии *ян* при свете дня и осмеливаются выйти наружу только ночью, когда энергия *инь* становится более активной и способна нанести вред. Например, в рассказах «Козни покойницы» (кит. 《尸变》) и «Горное чудовище» (кит. 《山怪》) персонажи из подземного мира используют мрачную атмосферу ночи, чтобы причинить вред главному герою. В других рассказах вечер утрачивает свою мистическую и устрашающую силу и становится поэтичным и романтичным временем. Ночь создаёт благоприятную картину для встречи учёного с обаятельными женскими персонажами из потустороннего мира. Например, в новеллах «Четвёртая Ху» (кит. 《胡四姐》) студент Шан встретил красивых добросердечных лисиц-оборотней и вступил с ними в любовные отношения.

Когда речь идёт о названии гоголевского сборника, то обнаруживаются два значимых компонента: единство пространства и времени повествования. Романтическая ориентация – «вечера» или «ночи» и более локализованное пространственное указание с малороссийским колоритом – «Диканьский хутор». Но поэтика ноктюрнальности является здесь ещё более многомерной: она включает в себя время повествователя, время событий (у Пу Сунлина) и жанровую форму, которая продолжает традицию романтизма в европейской и русской литературе.

Итак, фантастический цикл Гоголя отличается своим заглавием и событиями – время действия в повестях происходит вечером и ночью. У пасечника Рудого Панько проходят вечера («вечерницы»), сопровождаемые огнями, смехом, звуками балалайки и скрипки. Именно вечер и ночь стали подходящим временем для рассказывания страшных историй и приближения хуторян к иномирной реальности.

Вечер и ночь являются основным временем событий в цикле «Вечеров» и в сборнике «Ляо Чжай». Дед Фомы Григорьевича в «Заколдованном месте», как «только стало смеркаться в поле», оказывается в

сатанинском пекле¹; в «Страшной мести» Данила отправляется в замок колдуна в вечернее время, Катерина отпускает отца тоже вечером. Неслучайно также, что договор Грицько с цыганом заключается на закате. Кроме того, вечер снимает запрет на встречу влюблённых. Так, в «Майской ночи» любовь Левко к Гане выразилась «в блеске чистого вечера» в его песне «солнце нызенько, вечер близенько...»². Встреча Левко с русалкой тоже происходит ночью. Перед её появлением описывается благоухающий ночной пейзаж: «странное, упительное сияние», «серебряный туман», «запах от цветущих яблонь и ночных цветов» и «блистательные песни соловьёв»³. Так, страшная и мрачная ассоциация ночи уступает у Гоголя место сказочному, очаровательному, пронизанному божественной благодатью малороссийскому вечеру.

Карнавалы и праздники. Нельзя не упомянуть, что значительное количество фантастических рассказов русского и китайского классиков основаны на мотиве встречи человека с демоническим персонажем во время карнавала и праздника, связанного с хронотопом, обозначенным разгулом сверхъестественной силы. Например, большинство сюжетов из цикла «Вечеров» разворачивается на празднично-ритуальном фоне, или в преддверии праздника («Вечер накануне Ивана Купалы», «Ночь перед Рождеством»), или в особом праздничном локусе и карнавалы атмосфере («Сорочинская ярмарка», «Майская ночь», «Страшная месь» и «Заколдованное место») [8, с. 12]. В ляо-чаевских рассказах праздник упоминается более чем в сорока рассказах, включая праздник Цинмин, праздник Фонарей, праздник Луны и Дуанью. В своих фантастических новеллах Пу Сунлин часто

¹ Гоголь Н. В. Заколдованное место // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. Т. 1. М.: Наука, 2003. С. 243.

² Гоголь Н. В. Майская ночь, или Утопленница // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. Т. 1. М.: Наука, 2003. С. 128.

³ Гоголь Н. В. Майская ночь, или Утопленница // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. Т. 1. М.: Наука, 2003. С. 130.

представляет читателям праздничную сцену, где герои освобождаются от феодальных уз и, наконец, получают возможность общаться друг с другом. В повести «Смешливая Иннин» (кит. 《嬰寧》) праздник Фонарей становится лучшим моментом для осуществления поездки студентом Ваном и встречи с красивой лисицей-оборотнем Иннин. А праздничный цветок – «ветка цветущей дикой сливы» – символ верной любви – играет важную роль в развитии сюжета. Однако праздники иногда символизируют и неудачу. Например, в новелле «Беседы зрачков» (кит. 《瞳人語》) учёный Фан ослеп на правый глаз после того, как подсматривал за девушкой во время праздника Цинмин. Драма здесь произошла из-за хаотичности и беспорядка, вызванных отступлением от моральных правил во время праздников (что подтверждает концепцию карнавальности природы, предложенную Ю. В. Манном [11, с. 14]).

Карнавалы, представленные в произведениях Гоголя, сочетают в себе два противоположных начала – встречу с inferнальными существами на празднике, исход которой может закончиться победой главного героя над нечистой силой или его гибелью. По мнению В. А. Воропаева, только в контексте христианской истины может быть понят замысел творчества Гоголя [5, с. 67]. В «Вечере накануне Ивана Купала» момент искушения дьяволом-Басаврюком главного героя Петро отличается «пограничностью»: «Завтра Ивана Купала. Одну только эту ночь в году и цветёт папоротник. Не прозевай! Я тебя буду ждать, о полночи, в Медвежьем овраге»¹. Петро встречается с представителями с «того» света – дьяволом и ведьмой, а затем совершает ужасные преступления и погружается в состояние безумия. По словам К. В. Мочульского, в своей ранней прозе Гоголь объединяет две различные традиции: первая, представленная немецкой романтической демоно-

логией, включает в себя образы ведьм, чертей, заклинаний и колдовства, с которыми писатель знакомился в произведениях Л. Тика и Э. Т. А. Гофмана; вторая традиция представляет украинскую народную сказку с её дуализмом и борьбой между Богом и дьяволом [12, с. 35]. Например, в «Ночи перед Рождеством» сюжет разворачивается накануне Рождества Христова, описываются бесовские персонажи, перед которыми кузнец Вакула смог устоять благодаря своему умению писать иконы и использовать Слово Божие и крестное знамение в качестве оружия.

Пограничные локусы

Само собой разумеется, что поэтика промежуточного времени имеет также и пространственные соответствия. Пространство, в котором обитают персонажи Гоголя и Пу Сунлина, неоднородно: оно не только географическое, но и культурное. Оба писателя акцентируют внимание на «пограничности» этих локусов как на переходе от реального к ирреальному миру. Они могут трансформироваться в мифологический локус или приобретать в значительной степени мистический подтекст.

Закрытые локусы – дом, кабинет.

Мотив вторжения иномирной силы встречается в «Вечерах» и записках «Ляо Чжая». Согласно русской народной пословице, «дома и стены помогают». Однако в гоголевской прозе при вмешательстве колдовских чар дом оказывается незащищённым. Например, в «Пропавшей грамоте» невероятное творится не только с дедом, попавшим в демонический лабиринт, но и с его женой, оставшейся дома; в «Майской ночи» ведьма-мачеха вторглась в дом сотниковой дочери и выгнала её; в «Страшной мести» Катерина пытается защитить себя, запершись в комнате, чтобы избежать трагедии. Однако отцу-колдуну удалось вызвать душу спящей дочери.

В китайско-конфуцианском мировоззрении кабинет (*чжай* – кит. 齋) является местом бытовой жизни учёного, отделён-

¹ Гоголь Н. В. Вечер накануне Ивана Купала // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. Т. 1. М.: Наука, 2003. С. 104.

ным от семейного двора и отличающимся тишиной и закрытостью [17, с. 353]. В рассказах Пу Сунлина от вторжения inferнального существа не исходит опасности. Кабинет представляет собой лишь тихое и уединённое помещение, не посещаемое никем другим, в кабинете тайно происходят встречи, например, между студентом и лисицей-чародейкой. В повести «Фея Лотоса» (кит. «荷花三娘子») студент Цзун был очарован девой-оборотнем и пригласил её вечером в свой скромный кабинет.

«Пороговый» локус – окно. Окно является одним из важнейших мифопоэтических символов в русской и китайской поэтике ужаса: вместо двери оно выступает как негласный, потенциальный вход для сверхъестественных сил. В «Сорочинской ярмарке» через окно дома Цыбули заглянуло страшное свиное рыло, олицетворяющее зло и тьму, которые проникают в «своё» пространство. В «Искусстве наваждений» (кит. «妖术») через окно на постоялом дворе господин Юй заметил ужасного демона, пытающегося управлять им с помощью своей адской силы.

К тому же в творчестве Гоголя и Пу Сунлина прослеживается тенденция использовать окно в качестве средства коммуникации главных героев, по различным причинам ограниченных в возможности войти в дом через дверь. В рассказе «Девушка Яньчжи» (кит. «胭脂») студент Су притворился возлюбленным, и ночью перелез через стену в дом Яньчжи, и постучал в окно, чтобы пообщаться с ней. В «Майской ночи» образ окна является одним из наиболее частых. Так, в некоторые моменты (встреча Левко с Ганной и его встреча с бедной утопленницей) изображения окон появляются даже до десятка раз. Окно – это образ, символ границы между двумя мирами – миром реальным и иномирьем. Прозрачная часть окна является преградой и одновременно её отсутствием. Кроме того, окно выполняет функцию подглядывания, позволяя главному герою раскрыть неожиданную тайну. Подобные мотивы сгущаются в наиболее жуткой сцене в «Разрисованной коже» (кит. «画皮»)

Пу Сунлина: кандидат Ван обнаружил, что дверь его кабинета заперта, и, заглянув в окно, выяснил, что красивая дева на самом деле оказалась «свирым чёртом», который «разостлал на кровати человеческую кожу и с цветною кистью в руке стоял и разрисовывал её»¹. В «Страшной мести» Данило ночью отправился в замок колдуна, но там «ни ворот, ни дверей не видно», он «полез на дуб, из него прямо можно глядеть в окошко»², и его удивило дьявольское зрелище в доме тестя: он стал свидетелем вызова души Катерины.

Дорога и мотив дорожной путаницы. Дорога, по определению Е. Е. Левкиевской, является пограничным локусом между «своим» и «чужим» пространством, имеющим мифологическую семантику³. Мотив дорожной путаницы характерен для ранней прозы Гоголя и новелл Пу Сунлина. В пути их персонажи неожиданно сталкиваются с действием сверхъестественных сил и попадают в магический локус. Самыми яркими примерами можно назвать повести «Заколдованное место» и «В погоне за бессмертной Цин-э» (《青娥》). У Гоголя это мотив путающей героя дороги. Дед, «поколесивши кругом, наткнулся ... на дорожку. ... Глядь, в стороне от дорожки на могилке вспыхнула свечка. ... свечка потухла, вдали и немного подалее загорелась другая. Клад!...»⁴. У Пу Сунлина студент заблудился в погоне за женой в тёмной ночи, но, следуя за огоньком, оказался в потустороннем мире: «Теперь мгла сгустилась туманом ... Студент стал спускаться с горы, но сбился с дороги и не знал, как теперь вернуться обратно ... Вдруг в глубине пещеры показался свет, мерцавший, словно звёздная точка. Студент стал понемногу

¹ Пу Сунлин. Разрисованная кожа // Пу Сунлин. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай Чжи И). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2023. С. 261.

² Гоголь Н. В. Страшная месть // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. Т. 1. М.: Наука, 2003. С. 195.

³ Левкиевская Е. Е. Дорога // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 2. М.: Междунар. отношения, 1999. С. 124.

⁴ Гоголь Н. В. Заколдованное место // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. Т. 1. М.: Наука, 2003. С. 242.

подходить к нему ... Из дома вышла какая-то красивая женщина. Посмотрел на неё – Цин-э!»¹

Пустынные места – лес, кладбище и заброшенное поместье. Пустынные места являются локусами, куда направляются почти все герои у Гоголя и Пу Сунлина в своих приключениях, сопровождаемых жутким и таинственным подтекстом. В «Вечерах» Петрусь встретился с Басаврюком и ведьмой, нашёл клад и цветущий папоротник в непроходимом лесу за Медвежьим оврагом; на горе, за тёмным лесом, находится замок колдуна; у сотниковой дочки имеется заброшенный дом и пруд, окружённые лесом. В повести «Цинфэн» (кит. 《青凤》) студент Гэн Цюйбин встречает красавицу-лисицу по имени Цинфэн в заброшенном поместье своей семьи, также являющемся важным пограничным локусом. Позже, спасая маленькую бедную лисицу на кладбище, он понимает, что это та самая Цинфэн. Напряжение, создаваемое сценой на кладбище для главного героя, воплощается в «Страшной мести»: кресты на могилах зашатались, а из могил стали вылезать высохшие мертвецы, доведя семью Данилы до состояния крайнего ужаса.

Мифологический лабиринт – сон. Сон помимо своей физической и психологической природы, с точки зрения обоих авторов, также представляет собой путешествие персонажей в загробный мир. В повести «Майская ночь» парубок Левко видит сон о бедной утопленнице, во сне выполняет её просьбу и получает наградную записку. В повести «Лисий сон» (кит. 《狐梦》) студент Би во сне неожиданно сталкивается с демоническим существом – Третьей лисцей. Так что у Пу Сунлина, как и у Гоголя, граница между сном и явью размывается.

Заключение

Используя разнообразные формы времени (*вечер, ночь и время праздника*) и множественные пограничные локусы (*дом, кабинет, окно, дорога, лес, кладбище, пространство сна* и т. д.), автор сборника «Ляо Чжай» представляет вниманию читателей различные волшебные истории, связанные с жизнями людей, богов, бесов, призраков и лисиц-оборотней. В гоголевских малороссийских повестях также присутствует подобная тенденция: мир реальный и мир инфернальный сочетаются, проницаемость границы между мирами живых и мёртвых отчётливо видна. Если для писателя-христианина особую роль в этом процессе играет божественная благодать, то в пусунлиновских рассказах действие «светлой» силы проявляется не так. В отличие от гоголевского дихотомического представления о добре и зле существа из потустороннего мира в творчестве китайского мастера по большей части не искусители, не враги человечества, а, скорее, помощники, утешители, что определяется источниками волшебных историй «Ляо Чжая», основанных на даосском и буддийском учении и большом количестве народных суеверий. Пограничный хронотоп у Гоголя и Пу Сунлина можно интерпретировать как особую сферу, в которой герой встречается с бесовскими персонажами в напряжённый момент своей жизни и выходит оттуда живым и целым или так или иначе гибнет в зависимости от тех нравственных решений, которые он принимает.

Статья поступила в редакцию 14.12.2023.

ЛИТЕРАТУРА¹

1. Аристотель. Метафизика // Сочинения: в 4 т. Т. 1 / под ред. В. Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1976. С. 70–369.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 502 с.
3. Болдырева Е. М. «Мой далёкий двойник где-то там, на другом берегу...»: Российско-китайский литературный диалог. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2023. 347 с.

¹ Пу Сунлин. В погоне за бессмертной Цин-э // Пу Сунлин. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай Чжи И). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. С. 211.

4. Виноградов И. А. Гоголь художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. М.: Наследие, 2000. 450 с.
5. Воропаев В. А. Нет другой двери...: О Гоголе и не только. М.: Белый город, 2019. 448 с.
6. Гиппиус В. В. Творческий путь Гоголя // Гиппиус В. В. От Пушкина до Блока. Л.: Наука, 1966. С. 46–199.
7. Гоголь и мировая литература: сборник статей / отв. ред. Ю. В. Манн. М.: Изд-во ИМЛИ, 2003. 400 с.
8. Гольденберг А. Х. Архетипы в поэтике Гоголя. Волгоград: Перемена, 2007. 260 с.
9. Евдокимов А. А. О генезисе noctуральности в «Вечерах на хуторе близ Диканьки Н. В. Гоголя» // Поэзия филологии. Филология поэзии: сборник конференций, посвящённой А. А. Илюшину, Тверь, 12 февраля 2017 г. Тверь: Издатель А. Н. Кондратьев, 2018. С. 45–50.
10. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
11. Манн Ю. В. Творчество Гоголя: смысл и форма. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 742 с.
12. Мочульский К. В. Духовный путь Гоголя // Мочульский К. В. Гоголь. Соловьёв. Достоевский. М.: Республика, 1995. С. 4–150.
13. Янушкевич А. С. Особенности композиции «Вечеров на хуторе близ Диканьки» // Мастерство писателя и проблемы жанра. Томск: Изд-во Томского университета, 1975. С. 100–109.
14. Damrosch D. Comparing the Literatures: Literary Studies in a Global Age. Princeton: Princeton University Press, 2020. 392 p.
15. Ferris D. Why compare // A companion to Comparative Literature. 1st ed. Hoboken: Wiley-Blackwell Publishing house, 2011. P. 35–43.
16. 冯镇峦. 《聊斋志异》点评. 长沙. 岳麓书社. 2022 (Фэн Чжэньлуань. Рецензия на сборник «Ляо Чжай Чжи И». Чанша: Юэлу, 2022).
17. 马瑞芳. 马瑞芳品读《聊斋志异》. 北京. 天地出版社. 2023 (Ма Жуифан. Ма Жуифан читает «Ляо Чжай Чжи И». Пекин: Тяньди, 2023).
18. 黄霖. 中国古代小说叙事三维论. 上海. 上海书店出版社. 2009 (Хуан Линь. Теория трёхмерного повествования древних китайских романов. Шанхай: Шанхайское книжное издательство, 2009).

REFERENCES

1. Aristotle. *Metaphysica* (Rus. ed.: Asmus V. D., ed. Metafizika. In: *Sochineniya*. T. 1 [Essays. Vol. 1]. Moscow, Mysl' Publ., 1976, pp. 70–369).
2. Bahtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Questions of Literature and Aesthetics. Research from Different Years]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 502 p.
3. Boldyreva E. M. “*Moj dalyokij dvojniki gde-to tam, na drugom beregu...*”: *Rossijsko-kitajskij literaturnyj dialog* [“My Distant Double is Somewhere There, on the Other Side...”: Russian-Chinese Literary Dialogue]. Yaroslavl, RIO YAGPU Publ., 2023. 347 p.
4. Vinogradov I. A. *Gogol' hudozhnik i myslitel': Hristianskie osnovy mirosozercaniya* [Gogol the Artist and Thinker: Christian Foundations of the Worldview]. Moscow, Nasledie Publ., 2000. 450 p.
5. Voropaev V. A. *Net drugoj dveri...: O Gogole i ne tol'ko* [There is no Other Door...: About Gogol and More]. Moscow, Belyj gorod Publ., 2019. 448 p.
6. Gippius V. V. [Gogol's Creative Path]. In: Gippius V. V. *Ot Pushkina do Bloka* [From Pushkin to Blok]. Leningrad, Nauka Publ., 1966, pp. 46–199.
7. Mann Yu. V. *Gogol' i mirovaya literatura: sbornik statej* [Gogol and World Literature: Collection of Articles]. Moscow, IMLI Publ., 2003. 400 p.
8. Goldenberg A. X. *Arhetipy v poetike Gogolya* [Archetypes in Gogol's Poetics]. Volgograd, Peremena Publ., 2007. 260 p.
9. Evdokimov A. A. [On the Genesis of Nocturnality in “Evenings on a Farm near Dikanka by N. V. Gogol”]. In: *Poeziya filologii. Filologiya poezii: sbornik konferencii, posvyashchyonnoj A. A. Ilyushinu, Tver', 12 fevralya 2017 g.* [Poetry of Philology. Philology of Poetry: Collection of the Conference dedicated to A. A. Ilyushin, Tver, February 12, 2017]. Tver, A. N. Kondrat'ev Publ., 2018, pp. 45–50.
10. Lotman Yu. M. *Vnutri myslyashchih mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside Thinking Worlds. Man – Text – Semiosphere – History]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 1996. 464 p.
11. Mann Yu. V. *Tvorchestvo Gogolya: smysl i forma* [Gogol's Works: Meaning and Form]. St. Petersburg, SPbGU Publ., 2007. 742 p.

12. Mochul'sky K. V. [Gogol's Spiritual Path]. In: Mochul'sky K. V. *Gogol'. Solov'yov. Dostoevskij* [Gogol. Solovyov. Dostoevsky]. Moscow, Respublika Publ., 1995, pp. 4–150.
13. Yanushkevich A. S. [Features of the Composition “Evenings on a Farm near Dikanka”]. In: *Masterstvo pisatelya i problemy zhanra* [Mastery of the Writer and Problems of the Genre]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1975, pp. 100–109.
14. Damrosch D. *Comparing the Literatures: Literary Studies in a Global Age*. Princeton: Princeton University Press, 2020. 392 p.
15. Ferris D. *Why Compare*. In: *A companion to Comparative Literature*. 1st ed. Hoboken, Wiley-Blackwell Publishing house, 2011. P. 35–43.
16. 冯镇峦. 《聊斋志异》点评. 长沙. 岳麓书社. 2022. (Feng Zhenluan. Review of the collection “Liao Zhai Zhi Yi.” Changsha, Yuelu, 2022).
17. 马瑞芳. 马瑞芳品读《聊斋志异》. 北京. 天地出版社. 2023 (Ma Ruifang. Ma Ruifang reads “Liao Zhai Zhi Yi.” Beijing, Tiandi).
18. 黄霖. 中国古代小说叙事三维论. 上海. 上海书店出版社. 2009 (Huang Lin. *The Theory of Three-Dimensional Narrative of Ancient Chinese Novels*. Shanghai: Shanghai Book Publishing House, 2009).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сунь Вэньцзюнь – аспирант кафедры истории русской литературы Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Университета МГУ – ППИ в Шэньчжэне;
e-mail: sunventszyun@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sun Wenjun – Postgraduate Student, Department of Russian Literature in Faculty of Philology; Lomonosov Moscow State University, Shenzhen MSU-BIT University;
e-mail: sunventszyun@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сунь Вэньцзюнь. Пограничный хронотоп в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя и «Рассказах Ляо Чжая о необычайном» Пу Сунлина // Отечественная филология. 2024. № 2. С. 20–28.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-20-28

FOR CITATION

Sun Wenjun. The Borderline Chronotope in Nikolai Gogol's “Evenings on a Farm Near Dikanka” and Pu Songling's “Strange Tales from Chinese Studio”. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 2, pp. 20–28.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-20-28